

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Политика Турции на Южном Кавказе

Мээрим С. Суванова

Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия,

meerim020294@gmail.com

Аннотация: Регион Южного Кавказа традиционно играет важную роль в мировой политике. Данный регион на протяжении веков являлся ареной противоборства геополитических и геостратегических интересов региональных государств и держав, здесь пересекаются транспортные пути, соприкасаются разные культуры и религии. С распадом СССР, Южный Кавказ занял важное место в стратегии западных стран, которые выступали за ослабление российского влияния в регионе и создание плацдарма для дальнейшего усиления своих партнеров. Западных стран стремились установить контроль над добычей и диверсификацией азербайджанских углеводородов. Для осуществления данных целей Западные страны сделали ставку на своего союзника Турцию, которая преследует свои интересы в регионе Южного Кавказа. С начала 1990-х годов произошла активизация политики Турции в отношении стран Южного Кавказа. Для Турции были созданы условия для осуществления политики расширения своего влияния. Политика Турции отличается комплексностью, которая включает как экономическую, энергетическую так и культурную составляющую. Ключевым элементом политики Турции в регионе стал энергетический фактор. В вопросе диверсификации энергоресурсов Южного Кавказа, Турция добилась значительных успехов, реализовав проекты трубопроводов идущих через ее территорию. Она добилась статуса энергетического транспортёра. Важным направлением в политике Турции на Южном Кавказе является культурно-образовательная составляющая. Она основана на политике «неоосманизма», которое включает в себя элементы «пан-тюркизма». Основной целью данной идеи является расширение влияния Турции посредством воспитания протурецко настроенной молодежи в странах региона, а также посредством формирования положительно образа Турции среди различных слоев населения, которые бы поддерживали ее политику.

Особенность политики Турции состоит в многосторонне и гибкой политике, которая включает в себя как экономическую интеграцию, энергетическое сотрудничество, так и мягкую и эффективную политику, включающую в себя культурное взаимодействие, основанное на этнической и языковой схожести.

Ключевые слова: Южный Кавказ, Политика Турции, Азербайджан, Армения, Грузия, энергетическая политика, «пан-тюркизм», «неоосманизм»

Для цитирования: Суванова М. С. Политика Турции на Южном Кавказе. *Проблемы постсоветского пространства*. 2018;5(3):284-297. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2018-5-3-284-297>

Turkish policy in the South Caucasus

Meerim S. Suvanova

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia,

meerim020294@gmail.com

Abstract: The South Caucasus region traditionally has an important role to play in global politics. This region for centuries has been an arena of confrontation for geopolitical and geostrategic interests between regional states and world powers; this affected the main transport routes, different cultures and religions. With the collapse of the USSR, the South Caucasus became an important and strategic place for Western countries; this bolstered the weakening of Russian influence in the region and the creation of a catalyst for further strengthening of its partners. Western countries sought to establish control over the extraction and diversification of Azerbaijani hydrocarbons. To fulfill these goals Western countries have relied on their ally Turkey, which also pursues its interests in the South Caucasus region.

Since the early 1990s, Turkey's policy towards the countries of the South Caucasus has intensified. Turkey developed policies of expanding its influence in the region. These policies were complex; it included both economic, energy and cultural components. A key element of Turkey's policy in the region was the energy aspect. In the issue of diversifying the energy resources of the South Caucasus Turkey has made significant progress by implementing projects of pipelines going through its territory, she achieved the status of an energetic conveyor. Another important area of Turkey's policy in the South Caucasus was the cultural and educational aspect. It is based on the policy of «neo-Ottomanism», which includes elements of «pan-Turkism». The main purpose of this idea was to expand Turkey's influence by educating pro-Turkic youth in the countries of the region, and also create a positive image for Turkey among various segments of the population that would support its policies.

The peculiarity of Turkey's policy is a multilateral and flexible policy that includes both economic integration, energy cooperation, and a soft and effective policy that includes cultural interaction based on ethnic and linguistic similarity.

Keywords: South Caucasus, Turkish Policy, Azerbaijan, Armenia, Georgia, energy policy, pan-Turkism, neo-Ottomanism

For citation: Suvanova M.S. Turkish policy in the South Caucasus. *Post-Soviet Issues*. 2018;5(3):284–297. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2018-5-3-284-297>

ВВЕДЕНИЕ

Южный Кавказ — регион, в котором наиболее ярко отразился распад СССР и его последствия. Данный регион в отличие от других субрегионов постсоветского пространства, ярко отражает новые тенденции экономических и социальных отношений, основанных на принципах демократии, тор-

говли, свободы слова, то есть формирования нового гражданского общества, основанные на принципах западной идеологии. В данный турбулентный период глубоких геополитических изменений и в условиях смены устоявшего мирового порядка, Южный Кавказ, также стал одной из важных территорий за которую, мировые центры ведут

борьбу. Более того, за счет огромных запасов нефти и газа, Южный Кавказ стал более значимым. Негативная тенденция, сопровождаемая формированием нового мирового порядка; как рост непризнанных государств, усиление сепаратизма, стремление малых народов к самоопределению, также имеет место быть и на Южном Кавказе. Причиной этому является этническая пестрота региона. Геополитическая роль Южного Кавказа действительно уникальна — как по его потенциалу, так и по географическому расположению. Южный Кавказ, примыкает к региону Ближнего Востока, который считается одной из горячих точек, регулирование и модернизация, которого на сегодняшний день является одной из сложнейших задач [1]. Южный Кавказ в значительной мере приобщен к Западным принципам, к демократии, в котором проживают, представители различных конфессий. Несмотря на активное проникновение Запада на Южный Кавказ, не стоит сбрасывать психологический опыт данных стран, который представляет сложное переплетение; общего советского прошлого, с динамично развивающимся тюркским Азербайджаном с огромными западными инвестициями. Также тесно сотрудничающую Грузию с НАТО. Армению, для которой Россия является ближайшим партнером, при этом имеющая огромные представительства диаспор в Западных странах. Данные страны пытаются вести сбалансированную и гибкую политику между Россией и Западными странами. Однако стоит учесть, что страны Южного Кавказа более русифицированные, нежели вестернизированы. Многолетнее общее советское прошлое до сих пор существует в ментальности населения и в политике государств. Данный регион сформировался на расцвете русской и советской культуры, то есть советский фактор стал доминирующим культурным элементом в становлении региона.

ОСОБЕННОСТИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ТУРЦИИ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ

Межправительственное соглашение между СССР и Великим Национальным Собранием Турции Марта 1921 года о Дружбе и Добрососедстве, полностью вычеркнул из повести турецкой политики, термин о «внешние тюрки» [2], который подразумевал поддержку народам тюркского происхождения, проживающим на территории Средней Азии и Кавказа. В соглашение, турецкая сторона обязалась не оказывать поддержку движению «Туран», и не содействовать ее образованию на территории Средней Азии и Кавказа [3], что означало добровольное отстранение Турции от данных регионов. Турция к моменту подписания данного соглашения переживала глубокие внутренние изменения, а также в первые годы после образования Турецкой Республики, коммунистическая партия Турции набирала обороты, в связи, с чем для нее не выгодно было портить отношение с СССР [4]. Другим не менее важным фактором было то, что к началу 1920-х годов СССР взял под контроль территории Средней Азии и Кавказа, тем самым выстраивание отношений с народами, проживающими в составе союза, стало невозможным. Таким образом, вплоть до конца 1980-х годов, до горбачевских реконструкций, не наблюдается каких либо отношений между Турцией и народами Южного Кавказа. Завершение холодной войны стал причиной турбулентных изменений в мире, и пересмотру Турцией прежних внешнеполитических приоритетов и своего положения в мире. Изменения в мировой системе обеспечили независимость 15 новым республикам, что открывало новые горизонты для сотрудничества и расширения своего влияния, но вместе с тем, разрушение механизмов холодной войны, которые способствовали предотвращению региональных конфлик-

тов, стал повышенным риск локальных и региональных войны, нестабильности на территориях новообразованных государств, граничащих с Турцией. Системные изменения способствовали усилению соперничества за регионы, которые в составе СССР носили маргинальный характер. На смену блоковому делению пришел вопрос регионализации, регионы Центральной Азии, Южного Кавказа, Восточной Европы, прежде являвшиеся периферией стали центром борьбы внешних акторов. Турция, которая в годы холодной войны являлась стратегическим членом НАТО в борьбе с коммунизмом, потеряла прежние позиции [5]. Турция оказалась в центре регионов, за которые шла активная борьба внешних акторов, перед ней стояла задача укрепить свои позиции не как член НАТО, а как один из региональных лидеров. Тем самым, стало невозможным продолжать внешнюю политику Турции, которая сложилась веками, основанная на вестернизации, на западной экономической, военной и политической помощи, нацеленную на «безопасность и спокойствие» [6]. Таким образом, в начале 90-х годов наблюдается активизация политики Турции в отношении стран Центральной Азии и Южного Кавказа основанная на единстве языка, религии и культуры.

Политика Турции осуществлялась в двух направлениях, Турция продвигала свою модель развития для новообразованных государств, а также идеи «Турана» [7]. Однако, уже к 1995 году стало ясно о недостаточном наличии ресурсов у Турции для осуществление своих планов в Центральной Азии и на Кавказе, к тому время Россия выкарабкивалась глубокого экономического кризиса, что означало место СССР вскоре займет Россия. Начиная с 1995 года, Турция стала вести прагматичную, сбалансированную политику в отношении стран постсоветского пространства с учетом интересов России,

основанную на сотрудничестве. Только с приобретением независимости новых государств, в период с 1991-1993 годов стал открыто подниматься вопрос «внешних тюрков» в самых высших кругах, их положение и будущее, что прежде воспринималось как национализм и запрещалось, произошло изменения восприятия данного вопроса и самим турецким обществом [8]. Попытки Турции активного проникновения в регион Центральной Азии и Азербайджана, по ряду причин не нашло должного отклика в странах Центральной Азии, однако, имело эффективность в отношении Азербайджана. Ведение тюркской политики разделило Азербайджан от других стран Южного Кавказа, и на долгие годы определило роль самой Турции на Южном Кавказе. В отношении Южного Кавказа, Турция обделила себя Азербайджаном, ведя политику в рамках тюркского мира, не проявляя должного внимания другим не тюркским странам региона. Идея тюркизма, которая набирала обороты к тому времени, тесно переплелась с вопросом Карабаха. Данный вопрос стал одним из основных лозунгов политических партий, с того периода Турция преследует политику активной и безусловной поддержки Азербайджана в вопросе Карабаха, он и по сей день является важным сближающим фактором Азербайджана и Турции. В отношении Армении также время от времени наблюдалось смягчение, Турция всегда подчеркивала возможность нормализации армяно-турецких отношений при решении карабахского вопроса. Турция участвовала в применении экономического эмбарго в отношении Армении и не выстраивала дипломатических отношений, но при этом с опасением подходила к вопросу вооружения Азербайджана, и возникновения новых военных столкновений. Несмотря на накал в турецком обществе и негативного отношения к Армении, турец-

кое руководство стремилась к налаживанию отношений с Арменией. В 1992 году, несмотря на то, что Армения не является Черноморской страной, была приглашена на встречу, по инициативе создания Черноморского Экономического Сотрудничества, как член учредитель [9]. На то период, нормализация отношений было выгодным для обоих государств, для Турции она обеспечила бы выход в Центральную Азию, и способствовало бы прекращению действий армянской диаспоры в США, которая существенно влияла на политику Вашингтона в отношении Анкары. Тем самым вначале 90-х Турция стремилась вести политику в отношении Армении, основанную на жестком прагматизме, в соответствии геополитическим интересам Турции. В тот временной период, единственным фактором препятствующим улучшению отношений оставался Нагорно-Карабахский конфликт и Азербайджан. В 2001 после заявления армянской стороной о требовании признать геноцид армян мировым сообществом, а также заявления о несправедливости Московского и Карского соглашения 1921 года, определившие армяно-турецкие границы, последующая отмена данного соглашения и требования пересмотра турецких территорий Карса и Ардахана стали причиной похолодания между Анкарой и Ереваном.

Турецкая Республика, имеющая непосредственные границы с регионом Южного Кавказа, имеет существенное влияние в обеспечении безопасности данного регион. Турция, которая за последние десятилетия прослеживает политику конструктивного диалога, направленную на разрешение всех существующих конфликтов и противоречий, включила свое присутствие в соседних регионах как один из приоритетов во внешней политики, которая подверглась кардинальным изменениям с приходом к власти Партии Справедливости и Развития

(ПСР). Внешняя политика Турции фактически основана на концепции книги бывшего премьер министра Турции Ахмеда Давутоглу «Стратегическая глубина». Основным направлением данной книги является концепция «ноль проблем с соседями...» [10], которая способствовала активному налаживанию отношений Турции с ближайшими и дальними соседями. Южный Кавказ, несмотря на важность региона и непосредственную близость к Турции, является не полностью изученным и известным объектом внешней политики Турции.

После распада СССР сложились условия для изменения политики Турции, которая поставила цель заполнить геополитический вакуум, который образовался после распада коммунистического блока. Тем самым Анкара стремилась реализовать планы по расширению свое влияния в странах тюркского происхождения. Грузия и Армения не были одними из приоритетов во внешней политики Турции на тот период. Таким образом, Турция сделала ставку на страны Центральной Азии и Азербайджан. Основные финансовые ресурсы был сконцентрированы в данных странах, в целях создания сфер влияния. Однако ожидания новообразованных стран и возможности Турции не сходились, что стало причиной неэффективности политики Турции в странах постсоветского пространства. Страны Центральной Азии и Азербайджан, как и все другие страны постсоветского пространства, переживали глубокий экономический кризис и нуждались в крупных кредитах, Турция не обладала такими огромными ресурсами, способными потянуть за собой экономики новых государств. Только в конце 90-х и в начале 2000-х годов, уже после частичного преодоления кризиса странами, и сменой власти в самой Турции, началась разрабатываться многосторонняя и конструктивная политика Турции в отношении стран

Южного Кавказа. С данной точки зрения Турция может рассматриваться, как актор, пришедший в регион с опозданием.

Рассматривая политику Турции, сложно говорить о комплексной или одинаковой политике в отношении стран Южного Кавказа. Как и сам регион, политика Турции представляет собой комплекс противоречий. Двусторонние отношения, заложенные между Турцией и Азербайджаном после обретения независимости, стали жизненно важным элементом внешней политики Турции в Южно-Кавказском регионе. Слоган как «Один народ, два государства» [11], даже если не находит полного отражения в политической реальности, активно используется в политическом дискурсе. Тесное сотрудничество и поддержка между политической элитой двух стран еще более укрепляет отношения. Также это связано с развитием проектов о превращении Турции в мирового энергетического транспортера. Транспортировка каспийской нефти стало самым главным вопросом во внешней политике Турции, что на долгие годы вперед определила бы роль Турции в регионе и в мире. Данный фактор, одновременно, обеспечивает Турцией верного союзника в лице Азербайджана, однако, также становится барьером для дальнейшего продвижения в регион. Наряду с Азербайджаном, с начала 2000-х годов наблюдается улучшение торгово-экономических отношений между Грузией и Турцией, которая включила Грузию в список соседей, с которыми Турция имеет хорошие дружественные отношения. Камнем преткновения остается Армения, безусловная поддержка Азербайджана в вопросе Нагорного Карабаха, тесное экономическое, культурное сотрудничество, ухудшает и без этого напряженные отношения Турции с Арменией, основанных на ряде серьезных противоречий, как вопрос признания геноцида, неопределенных гра-

ниц между Турцией и Арменией. Решение данных противоречий в обозримом будущем кажется невозможным, но и ухудшение отношений с Арменией не в интересах турецкого руководства.

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПОЛИТИКИ ТУРЦИИ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ

Одним из важнейших направлений политики Турции на Южном Кавказе является энергетическое направление. Огромные запасы Каспийской нефти перевернули всю картину региона и внесли кардинальные изменения в экономику и в политику, как Азербайджана, так и Турции.

Географическое расположение Турции близ 72% мировых запасов газа и 73 % запасов мировой нефти [12], располагающиеся на Ближнем Востоке и в Каспийском бассейне, а также контролирование важнейших энергетических путей проходящих через проливы Босфор и Дарданеллы, превращает ее в ключевую страну в системе энергетической безопасности Европы. Турция представляет собой энергетический мост, осуществляющий основные потоки транспортировки нефти и газа на мировые рынки. Реализация энергетических проектов стало важным в развитии региона, тем самым стабильность и обеспечение безопасности транспортировки углеводородов стало основным направлением в политики стран добывающих, транспортирующих и экспортирующих ресурсы. Единственным государством Южного Кавказа, обладающим внушительными запасами ресурсов является Азербайджан. По данным Государственной Нефтяной Компании Азербайджанской Республики (SOCAR) «извлекаемые запасы углеводородов в Азербайджане составляют 4,05 миллиарда тонн нефтяного эквивалента, прогнозные запасы углеводородов — 5,45 миллиарда тонн нефтяного эквивалента. Таким обра-

зом, общий объем запасов углеводородов оценивается в 9,5 миллиарда тонн условного топлива [13]. К тому же в отличие от других Каспийских стран, Азербайджан являлась единственной страной обладающей развитым нефтепромышленным комплексом еще со времен СССР. С обретением независимости Азербайджан связывает свое будущее с «большой нефтью», таким образом, сотрудничество Турции с Азербайджаном в энергетической сфере стало одним из важнейших факторов определяющим положение Турции на Южном Кавказе. Кроме того, сближение двух стран подталкивал и тот факт, что Азербайджан, обладающий запасами нефти, мог стать альтернативным источником поставки энергоресурсов в Турцию. Так как в результате быстрого развития турецкой экономики, усилилась зависимость Турции от экспорта нефти. Собственная добыча покрывает около четверти потребностей Турции [14].

В 1994 году был создан консорциум по добыче каспийской нефти на азербайджанском секторе Каспийского моря. Первым шагом в активизации энергетической политики стало подписанное Баку и Анкарой в 1995 году, соглашение о строительстве нефтепровода из Баку к порту Джейхан. Позже к данному проекту присоединилась Грузия, будущий проект получил название Баку — Тбилиси — Джейхан (БТД). В 1999 году данный проект был закреплён пакетом межправительственных соглашений подписанных между Азербайджаном, Грузией и Турцией [15]. Тем самым, было положено начало энергетической системе Южного Кавказа, что стало важнейшим фактором развития региона в следующем десятилетии.

БТД, является центральным компонентом западного энергетического коридор, проходящего через Турцию, который предусматривает доставку азербайджанской

нефти с месторождения Азери — Чираг — Гюнешли, через территорию Азербайджана и Грузии к берегам Средиземного моря к терминалу Джейхан, и дальше танкерами к Европейским рынкам. Данный терминал транспортирует 1 млн. баррель нефти в день (приблизительно 1,5% мирового экспорта), годовая пропускная способность составляет 50 млн. тонн, а также является вторым по длине нефтепроводом мире (1760 км).

Проект БТД является одним из основ энергетической политики Турции на Южном Кавказе. Во-первых, данный проект превратил Турцию в главного транспортера Каспийской нефти, сделав Джейхан новым энергетическим хабом евразийской энергетической системы. Во-вторых, укрепила позиции Турции на международной арене в сфере безопасности, так как в целях обеспечения энергетической безопасности теперь Анкара имела легитимное право подавлять сепаратистские движения курдов, проживающих по маршруту трубопровода, который проложен на юго-восточных районах Турции. БТД, является первым проектом, по транспортировке нефти проложенным в обход России, что существенно изменило геополитическую обстановку, учитывая важность энергетического фактора в современном развитии государств. Нефтепровод БТД стал укрепляющим фактором политики Турции на Южном Кавказе и возможностью для дальнейшего расширения Турции в других Каспийских государствах, в энергетической сфере.

Вторым проектом в энергетической политике Турции является южно-кавказский газопровод «Баку — Тбилиси — Эрзурум». Исследование месторождения «Шах-Дениз» началось в начале 1990-х годов. В 1992 г. Азербайджан подписал соглашение с британо-норвежским альянсом «Бритиш Петролеум/Статойл» («British Petroleum/ Statoil») о проведении работ по разведке и

разработке перспективной газовой структуры «Шах-Дениз», совместно с ГНКАР. К 1999 г. был создан международный консорциум в составе «Бритиш Петролеум/Стагойл», ГНКАР, «ЛУКОЙЛ», «Элф Аквитан» («Elf Aquitaine» (Франция)), «ОИЕС» («OIES» (Иран)) и ТРАО (Турция) [16]. Разведывательные работы показали наличие в первой скважине порядка 700 миллиардов кубометров природного газа и около 200–300 миллионов тонн конденсата [17]. Таким образом, начали выдвигаться идеи по строительству газопровода из Баку. Газопровод Баку — Тбилиси — Эрзурум (БТЭ), который нацелен на транспортировку природного газа добываемого на месторождении «Шах-Дениз», был реализован на основе межправительственного соглашения подписанного 12 Марта 2001 года между Азербайджаном и Турцией. В рамках данного соглашения между ГНКАР и турецким Боташем (BOTAS) было подписано соглашение об экспорте 6,6 млрд. м³ природного газа в течение 15 лет. Протяжённость проекта газопровода составила 970 км (442 км проложены по территории Азербайджана, 248 км — по территории Грузии и 280 км — от грузино-турецкой границы до города Эрзурум) [18]. Несмотря на то, что планировалось начать транспортировку газа уже в 2004 году, разрешение на строительство было дано только в 2003. Сроки эксплуатации постоянно смещались, и таким образом в 2007 году осуществился запуск газопровода. На отрезке БТЭ, расположенном на территории Азербайджана и Грузии (южно-кавказский газопровод) планируется увеличить объем поставки, а также на отрезке турецко-грузинской границы присоединение БТЭ к Транс-Анатолийскому газопроводу (TANAP), запуск которого запланирован к концу 2018 года.

TANAP является третьим проектом энергетической политике Турции на Южном

Кавказе, который предусматривает транспортировку 6 млрд. м³ газа с месторождения Шах-Дениз в Турцию, согласно соглашению, подписанному в ходе переговоров 25 ноября 2011 между Турцией и правительством Азербайджанской Республики и консорциумом, разрабатывающим данное месторождение [19]. Также, 26 июня 2012 года было подписано межправительственное соглашение о транспортировке 10 млрд. м³ азербайджанского газа через трубопровод TANAP в Европу. Основными акционерами проекта TANAP являются ГНКАР с 58% акций, и Турция с 30%, а также в проекте участвуют Бритиш Петролеум и норвежский Стейт Оил (State Oil) с 12% акций [20]. Тем самым, данный проект является важнейшей сферой сотрудничество Турции и Азербайджана на мировой энергетической арене, потенциал которого будет составлять 32 млрд. м³ в год и протяженностью 1850 км. Расширение TANAP за счет присоединения к Транс-адриатическому и к южно-кавказскому газопроводам, образует «Южный газовый коридор» [21]. Представляя собой один самых масштабных проектов евразийской энергетической системы, проект TANAP в какой-то степени заменил проект Набукко, который ранее активно поддерживался Западными странами. Отличие проектов Набукко и TANAP заключается в том, что по проекту Набукко маршрут должен был проходить через территорию Ирана вместо Азербайджана, и основной поток экспорта должен был составлять туркменский и иранский газ, что не отвечало интересам Азербайджана. Вопрос наполняемости данного проекта вызывал сомнения, однако проект в будущем предусматривает также присоединения веток экспортирующих туркменский газ, что представляется весьма сложным из-за нерешенности правового статуса Каспийского моря, так как маршрут из Туркмении

должен проходить по дну Каспия. Потенциальным экспортером газа по трубопроводу TANAP является Иран, который имеет значительные запасы, и после отмены санкций увеличил добычу природного газа. Также в рамках TANAP планируется протянуть ветку из Израиля, по которой возможно будет также экспортироваться Кипрская нефть.

Проект TANAP является одним из самым масштабных проектов энергетической политики Турции, который укрепляет позиции Турции, как энергического транзитного центра. Турция в свою очередь, рассматривает возможности получения политических и экономических дивидендов от реэкспорта газа. Данный подход вызвал в 2008 году разногласия между Турцией и Азербайджаном. Турция получала газ по заниженной цене (120 долл. за 1000 м³) и перепродавала его по более высокой цене [22]. В связи с этим Азербайджан начал требовать пересмотра, а также начала искать альтернативные пути экспорта газа, тем самым пытаясь снизить полную зависимость от Турции. В результате Азербайджан подписал договор в 2009 году с Россией, в 2011 году с Ираном о поставке газа. Однако российский и иранский рынок не может конкурировать с европейским рынком, в связи с этим, Азербайджан начал искать альтернативные транспортные коридоры, одним из которых был проект «Белый поток», согласно которому трубопровод должен быть проложен по дну Черного моря до Украины или Румынии. Вторым возможным вариантом было создание инфраструктуры для экспорта сжиженного природного газа из грузинских портов в Румынию. Оба возможных варианта противоречили энергетическим интересам Турции. В результате переговоров, Турция и Азербайджан пришли к соглашению. Турция согласилась на повышение цен до рыночного уровня, получив при этом воз-

можность снижать уровень потребления на 20% в зависимости от своих потребностей. В свою очередь Азербайджан добился единого унифицированного тарифа для транзита своего газа по территории Турции для всех проектов и направлений экспорта. Что способствовало для дальнейшей реализации проекта TANAP.

Особенность проекта состоит в том, что ключевая роль в его реализации принадлежит региональным игрокам — Азербайджану и Турции. Если прежде подобные стратегические проекты осуществлялись с непосредственным участием западных компаний, то это первый азербайджано-турецкий проект. Этому способствовал опыт и уже достаточная экономическая мощь Азербайджана и региональная роль Турции.

В энергетической стратегии Турции одним из важнейших регионов является регион Южного Кавказа, за счет богатых запасов углеводорода. В данном вопросе Турция успешно использовала свое географическое положение естественного моста между богатыми ресурсами Каспия и европейским рынком. Трубопроводы, проложенные из Южного Кавказа, обеспечили современное положение Турции, как транзитной страны. Укрепление Турцией, статуса транзитной, страны-энергетического хаба, может обеспечить ей региональное влияние и энергетическую независимость. Таким образом, сам регион Южного Кавказа имеет жизненно-важное значение в энергетической стратегии Турецкой Республики, так как за счет реализации таких крупномасштабных проектов, как БТД, БТЭ и TANAP, Турция стало транзитным центром. В результате чего полностью поменялся геополитический расклад региона, Турция вытеснив Россию, стала важным стратегическим партнёром Азербайджана и Грузии в энергетической сфере.

**КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ
ПОЛИТИКА ТУРЦИИ В СТРАНАХ ЮЖНОГО
КАВКАЗА**

Распад СССР стал причиной коренных изменений мирового порядка и геополитической ситуации в мире после завершения противостояния двух идеологических блоков. Подобные социально-политические изменения усилили угрозу экспансионизма, сепаратизма, национализма и терроризма.

Образовавшийся идеологический вакуум бросились заполнять региональные лидеры, которые когда то в историческом прошлом имели свое влияние. С распад СССР и переориентация стран постсоветского пространства для Турции сложилась удобная обстановка для осуществления своих желаний, которые прежде казались далекими от реальности. К тому же заинтересованность США в ослаблении России в регионе, выдвигала модель Турции для продвижения в регионе. Культурно-цивилизационный фактор составляет основу всей политики Турции на евразийском пространстве. Имперские устремления, основанные на тюркском супер этносе, которые прочно осели в сознании турецкого общества, способствовали активизации Турции во всех сферах сотрудничества.

В 90-х годах прошлого века, Турция начала разрабатывать новую культурную политику в отношении стран постсоветского пространства, что соответствовало процессам того времени и идеям которые турецкое общество вынашивала многие годы. С распадом СССР турецкие политологи начали возрождение идею создания Турана — единого «пан-тюркского» сообщества государств с населением 120 млн. человек, простирающихся от Западного Китая до восточного побережья Средиземного моря. Данная идея рассматривала перспективы создания единого политико-экономического союза тюркских госу-

дарств с общим рынком, объединенной энергосистемой. Сама теоритическая основа идея «пан-тюркизма», так как несет в себе некие элементы радикализма и национализма, часто осуждается. Так как теория идеи «пан-тюркизма» охватывает огромные территориальные пространства современных независимых государств, тем самым данная идея несет некую угрозу территориальной целостности некоторым странам евразийского континента. Современная Турецкая Республика, учитывая подобные минусы данной идеи, перенесла некоторые аспекты и в более мягкой форме, сформулировала ее в политике «неоосманизма», сохраняя некоторые важные элементы. Она сочетает в себе элементы устоявших кемалистских, умеренно-исламистских и современных подходов к системе международных отношений. В данной концепции найден удачный баланс между традиционным для турецкой внешней политики евразийством и имперским стремлением как «неоосманизм».

Основным институтом осуществления культурной политики Турции в отношении Грузии является агентство ТКА, которое с 2000 года реализует проект «Тюркология», в рамках которого в грузинских вузах были созданы факультеты и отделения по изучению Турции. По количеству реализуемых проектов в рамках ТКА, Грузия занимает второе место на постсоветском пространстве после Киргизии. В 2007 в Турции был создан Институт Юнус Эмре, целью которого является продвижение за рубежом турецкой культуры и языка. В 2012 году, при поддержке данного фонда, в Тбилисском Государственном Университете им. И. Джавахишвили был открыт культурный центр Юнуса Эмре, который проводит культурный мероприятия, дни Турции в Тбилиси и научные курсы по изучению тюркологии. Образовательная политика Турции также

осуществляется в рамках проектов «Туркие Бурслары» (Turkiye Burslari) и YÖK, которые предоставляют квоты для иностранных студентов. По количеству иностранных студентов обучающихся в Турции, первое место занимает Азербайджан, по данным Министерства Образования Турции, за период 2016-2017 годы число студентов с Республики Азербайджан составило 15,036 студентов [23]. Студентов из Грузии насчитывается свыше 500 студентов. Культурно-образовательную политику Турции на Южном Кавказе можно разделить на два этапа. Первый представляет собой период с начала 1990-х до 2002 года. В данный временной период Турция ведет культурно-образовательную политику направленную сугубо в отношении тюрко говорящих стран. Так как единственным государством тюркского происхождения на Южном Кавказе является Азербайджан, в отношении ее наблюдается более активная культурно-образовательная политика, по сравнению с другими странами Южного Кавказа. Политика осуществлялась в рамках организаций «Тюркской» и «ТКА», целью которых являлось продвижение идеи «пан-тюркизма». Были открыты культурные центры, был принят общий алфавит тюркских государств, начал функционировать теле- и радиоканал. Несмотря на эффективную политику и сближение тюркских народов в культурном плане, основная цель по созданию тюркского союза не была достигнута. Культурно-образовательная политика подверглась изменениям с приходом к власти Партии Справедливости и Развития в 2002 году. ПСР отбросив стремления о создании тюркского союза, начала проводить прагматичную политику. С 2002 года наблюдается активизация политики Турции, наряду с Азербайджаном, также и в Грузии. Начали проводиться различные культурные мероприятия, открываться учебные заведения.

В отношении Грузии политика осуществлялась в рамках деятельности организации ТКА, а также движения Ф. Гюлена. Движение Гюлена проделала огромную работу в Азербайджане и в Грузии по подготовке и воспитанию про турецки настроенного нового поколения. В продвижение культурно-образовательной политике Турции важное место занимает движение проповедника Ф. Гюлена, известное, как «Нурджулар», «Хизмет». Движение Гюлена представляет собой мощный институт, целью которого является распространение исламских и пантюркских идей. Для достижения этих целей создана сеть образовательных центров по всему миру, направленная на воспитание нового поколения. Деятельность «Фетхуллахчылар» за пределами Турции соответствовала стратегии внешней политики страны, и движение рассматривалась правительством Турции, как дополнительный инструмент с точки зрения культурно-идеологической гегемонии Турции. Попытка переворота 2015 года полностью изменило положение учебных заведений данного движения. Ответственность попытки переворота была возложена на движение Ф.Гюлена, которая на данный момент преследуется как террористическая организация, все учебные заведения были закрыты. Турецкое правительство также требовала закрытия учебных заведений, расположенных в странах Южного Кавказа. На территории Азербайджана по официальным данным насчитывается 12 учебных заведений, в которых по приблизительным подсчетам, получали образования свыше 30 тысяч азербайджанских студентов. В Грузии насчитывалось три крупных учебных заведений, колледж и также Черноморский Университет в Тбилиси, официальной статистики студентов нет, по приблизительным данным в общем целом в данных университетах получали образование около

семи тысяч студентов. Несмотря на закрытия и гонения данной организации, Гюленовские школы — являлись одними из самых известных и рейтинговых учебных заведений на постсоветском пространстве. С начала 90-х годов, гюленовские учебные заведения, колледжи и университеты на Южном Кавказе, которые по количеству насчитываются более трех тысяч, выпустили свыше миллиона студентов. Несмотря на светскую основу, обучение в них тесно связано с религиозным воспитанием. Школы активно пропагандировали синтез турецко-исламской идеологии, тем самым создавая реальный арсенал протурецко настроенной молодежи внутри страны. Их деятельность была направлена на создание основы, которая бы в перспективе могла бы сформировать «турецкое лобби».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В политике Турции в отношении стран Южного Кавказа выделяется два этапа. Первый этап охватывает период с распада СССР до прихода к власти в Турции партии Справедливости и Развития. Первый этап характеризуется идеей «пантюркизма». Так как единственным тюркским государством Южного Кавказа является Азербайджан, наблюдается акцент на Азербайджанскую Республику. Идея о создании тюркского мира не была достигнута. Однако, за данный временной период, Турция достигла значительного успеха в расширении своего влияния в Азербайджане во всех направлениях.

Второй этап охватывает период с 2002 года, с приходом к власти партии Справедливости и Развития, под руководством Р. Т. Эрдогана. политика Турции подверглась существенным изменениям. Турция начала проводить политику в рамках идеи «неоосманизма», в которую были вложены некоторые элементы идеи «пантюркизма»,

однако не в столь радикальной форме, и с учетом реалий современного мира. Идея «неоосманизм» ставит цель расширение влияния Турции в бывших османских территориях и возрождение былой мощи Османской империи. Данная идея основана на концепции «ноль проблем с соседями», которая отражена в книге бывшего премьер-министра Турции Ахмеда Давутоглу «Стратегическая глубина». Отталкиваясь от данной концепции и отбросив далекие от реальности идеи «пантюркизма», Турция активировала политику в отношении ближайших соседей. С данного периода Грузия начала занимать важное место во внешней политике Турции, как один из его стратегических партнеров в регионе. Однако ряд существующих проблем и разногласий, таких как нерешенность Нагорно-Карабахского конфликта, вопрос признания «армянского геноцида» остаются барьером в восстановлении добрососедских отношений между Арменией и Турцией.

Важнейшим направлением политики Турции стало энергетическое взаимодействие, в котором Анкара добилась больших результатов, тем самым, обеспечив влияние на страны Южного Кавказа. Энергетические проекты, такие как БТД, БТЭ и TANAP обеспечили Анкаре статус главного регионального энергетического транзитера (хаба). Тем самым Турция получила возможность непосредственно влиять на геополитическую ситуацию в регионе. Современная политика Турции на Южном Кавказе направлена на сохранение стратегических отношений с Азербайджаном, укрепления отношений с Грузией, а также разрешения разногласий с Арменией. Говорить о турецкой экспансии не приходится, однако важным для Турции является сохранение статуса-кво в регионе, то есть предотвращение возможного усиления российского влияния на Южном Кавказе [24].

ЛИТЕРАТУРА

1. Hannon J., Dudden L. US-TURKEY Relation under the AK Party. Ankara: SETA; 2017. 205 p.
2. Öksüz H. Batı Trakya Türkleri. Hikmet. Ankara: Published; 2006. 243 p.
3. Baskın O. Türk Dış Politikası. İstanbul: İletişim Yayıncılık; 2010. P. 366–440.
4. Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. Москва: Международные отношения; 2001. 464 с.
5. Gözen P.E. Turkish Foreign Policy. Ankara: METU; 2015. 273 p.
6. Hannon J., Dudden L. US-TURKEY Relation under the AK PARTY. Ankara: SETA; 2017. 205 p.
7. Baskın O. Türk Dış Politikası. İstanbul: İletişim Yayıncılık; 2010. P. 366–440.
8. Özcan T. «Türkiye’de Siyasal Rejim ve Dış Politika». İstanbul: Türk Dış Politikasının Analizi; 1994. 311 p.
9. Эшба Э.Д. Региональное сотрудничество на Черном море: достижения, проблемы, перспективы. Москва: МГИМО; 2013. 47 с.
10. Davutoglu A. «Strategic Depth». İstanbul: İstanbul Bilgi University; 2001. 563 p.
11. Baskın O. Türk Dış Politikası. İstanbul: İletişim Yayıncılık A. Ş; 2010. P. 366–440.
12. İskender S. «Dünya Enerji Durumu ve Geleceğe Yönelik Planlar». İstanbul: WEC Turkish National Committee; 2006. P. 27-30.
13. <http://www.socar.az/socar/en/home> (дата обращения: 10.03.2018)
14. Grinevetskiy S.R., Zhiltsov S.S., Zonn I.S., Kosarev A.N., Kostyanoi A.G. The Black Sea Encyclopedia. Berlin: Springer; 2015. 889 p.
15. <http://www.enerji.gov.tr/tr-TR/Sayfalar/Elektrik> [accessed: 04.03.2018]
16. Gareth M. W. The Southern Gas Corridor and Turkey’s Role as an Energy Transit State and Energy Hub. *Insight Turkey*. 2013;15(1):145-163.
17. Karakaya L. «Turkey Played its Hand Well in the Energy Game». http://www.tepav.org.tr/upload/files/13306910437.Turkey_Played_its_Hand_Well_in_the_Energy_Game.pdf (дата обращения: 05.04.2018)
18. Жильцов С.С., Зонн И.С. Черноморский регион: новые очертания. Москва: МГОУ; 2010. 198 с.
19. http://www.tanap.com/content/file/TANAP_Hukumetlerarası_Anlasma.pdf (дата обращения: 10.04.2018)
20. <http://www.socar.az/socar/en/home> (дата обращения: 05.02.2018)
21. Edward C. Ch. «Turkey as an Energy Bridge», Turkey’s Evolving Dynamics: Strategic Choices for US-Turkey Relations. Washington: Center for Strategic and International Studies; 2009. С. 77-78.
22. Stevens P. Transit Troubles: Pipelines as a Source of Conflict. London: Chatham House; 2009. P.11-23.
23. <http://www.meb.gov.tr/> (дата обращения: 17.04.18)
24. Zhiltsov S.S. Revolutionary Waves in the Post-Soviet Expanse. *Central Asia and the Caucasus*. 2005;6:7-13.

REFERENCES

1. Hannon J., Dudden L. US-TURKEY Relation under the AK Party. Ankara: SETA; 2017. 205 p.
2. Öksüz H. Batı Trakya Türkleri. Hikmet. Ankara: Published; 2006. 243 p.
3. Baskın O. Türk Dış Politikası. İstanbul: İletişim Yayıncılık; 2010. P. 366–440.
4. Gadjiiev K.S. Geopolitic of Caucasus. Moscow: International Relations; 2001. 464 p. (In Russ.)
5. Gözen P.E. Turkish Foreign Policy. Ankara: METU; 2015. 273 p.

6. Hannon J., Dudden L. US-TURKEY Relation under the AK PARTY. Ankara: SETA; 2017. 205 p.
7. Baskın O. Türk Dış Politikası. İstanbul: İletişim Yayıncılık; 2010. P. 366–440.
8. Özcan T. «Türkiye’de Siyasal Rejim ve Dış Politika». İstanbul: Türk Dış Politikasının Analizi; 1994. 311 p.
9. Eshba E.D. Regional cooperation at the Black Sea: achievements, problems and perspectives. Moscow: MGIMO; 2013. 47 p. (In Russ.)
10. Davutoglu A. «Strategic Depth». İstanbul: İstanbul Bilgi University; 2001. 563 p.
11. Baskın O. Türk Dış Politikası. İstanbul: İletişim Yayıncılık A. Ş; 2010. P. 366–440.
12. İskender S. «Dünya Enerji Durumu ve Geleceğe Yönelik Planlar». İstanbul: WEC Turkish National Committee; 2006. P. 27-30.
13. <http://www.socar.az/socar/en/home> [Accessed: 10.03.2018]
14. Grinevetskiy S.R., Zhiltsov S.S., Zonn I.S., Kosarev A.N., Kostyanoi A.G. The Black Sea Encyclopedia. Berlin: Springer; 2015. 889 p.
15. <http://www.enerji.gov.tr/tr-TR/Sayfalar/Elektrik> [Accessed: 04.03.2018]
16. Gareth M. Winrow, The Southern Gas Corridor and Turkey’s Role as an Energy Transit State and Energy Hub. *Insight Turkey*. 2013;15(1):145-163.
17. Karakaya L. «Turkey Played its Hand Well in the Energy Game». http://www.tepav.org.tr/upload/files/13306910437.Turkey_Played_its_Hand_Well_in_the_Energy_Game.pdf [Accessed: 05.04.2018]
18. Zhiltsov S.S., Zonn I.S. Black Sea Region: New Outlines. Moscow: MGOU; 2010. 198 p. (In Russ.)
19. http://www.tanap.com/content/file/TAN-AP_Hukumetlerarasi_Anlasma.pdf (Accessed:10.04.2018)
20. <http://www.socar.az/socar/en/home> [Accessed: 05.02.2018]
21. Edward C. Chow «Turkey as an Energy Bridge», Turkey’s Evolving Dynamics: Strategic Choices for US-Turkey Relations. Washington: Center for Strategic and International Studies; 2009. C. 77-78.
22. Stevens P. Transit Troubles: Pipelines as a Source of Conflict. London: Chatham House; 2009. P.11-23.
23. <http://www.meb.gov.tr/> [Accessed:17.04.18]
24. Zhiltsov S.S. Revolutionary Waves in the Post-Soviet Expanse. *Central Asia and the Caucasus*. 2005;6:7-13.

.....
Статья получена 01.06.2018

Received 01.06.2018

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Мээрим С. Суванова, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; 119021, Россия, Москва, ул. Остоженка 53/2;
meerim020294@gmail.com

Meerim S. Suvanova, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia; bld. 53/2, Ostozhenka str. Moscow, 119021, Russia;
meerim020294@gmail.com